
Irena Merano
ГОРОД
НА СПИНЕ
УРАГАНА

Irena Merano
Город на спине урагана

https://litres.ru/74734768
SelfPub; 2026

Аннотация

Триста семнадцать лет ураган рождал материки и хранил тайну, которую магам запрещалось даже называть. Пока однажды не появилась тринадцатая земля.

Арвесса Тальвер совершила невозможное — создала материк без последней границы. И теперь магия вышла из повиновения.

Двери открываются в чужие миры. Непрожитые жизни оставляют следы. Мёртвые улицы обретают голоса, а под мрамором слышен стук того, кто ещё не должен существовать.

Новая земля учится человеческим желаниям, превращая их в беспощадные законы реальности.

Единственный мужчина, способный остановить пробуждение этой магии, должен уничтожить творение Арвессы. Но между ними возникает притяжение, которому опасно поддаваться.

И вот ураган впервые замедляется.

Потому что тринадцатый материк пробудил нечто, что даже сама буря триста семнадцать лет боялась выпустить.

Но кто сказал, что пробудившееся находится внутри урагана?

В ту ночь кто-то впервые постучал с обратной стороны неба.

Irena Merano
Город на спине урагана

Глава 1

— Целуй невесту!

Крик донёсся из запертого архива. За ним последовали смех, торопливая скрипичная мелодия и звон бокалов.

Через несколько секунд кто-то закричал снова.

На этот раз — от ужаса.

Арвесса Тальвер остановилась посреди Зала Направлений. Дверь архива сорок один год не открывали без её письменного разрешения. Музыкантов там не было. И уж точно никто не мог праздновать свадьбу: помещение занимали каменные плиты с чертежами умерших материков.

Из-под двери показалась белая крупинка.

За ней — вторая.

Снег.

Арвесса присела. Хлопья ложились на чёрный мрамор и не таяли, хотя через высокие окна в зал проникал жаркий воздух. Снаружи город медленно описывал круг на спине урагана. Золотые флюгеры поворачивались вслед за ветром, мосты гудели на натянутых креплениях, а по спиральной дороге карабкался красный трамвай.

Триста семнадцать лет горожане жили над землёй и привыкли к невозможному. Их дети раньше учились различать направления тяжести, чем писать своё имя. Но снег, просачивающийся из помещения без окон, не имел отношения ни к одному из известных направлений.

Арвесса сняла перчатку и коснулась пола. Белые кристаллы обожгли ей пальцы.

За дверью раздался стук.

— Откройте! — крикнула женщина. — Пожалуйста, пока ещё можно!

Арвесса повернула ручку.

Архива за ней не оказалось.

Вместо каменных полок тянулся пляж. Песок был серым, зимнее небо — почти белым. Вдалеке мерцали огни неизвестной деревни, хотя на чертежах тринадцатого материка ещё не значилось ни одного поселения.

А море стояло вертикально.

От края пляжа вода поднималась отвесной стеной выше самых высоких башен. Волны катились по ней снизу вверх. За прозрачной глубиной плавали рыбы, и в воде отражались звёзды, которых не было в небе.

На песке стояли двенадцать человек. Праздничные костюмы, мокрые подолы, увядшие цветы. Они держались за руки, вытянувшись между дверью и морем. У каждого под ногами оставалась узкая полоска суши. Там, где пальцы дрожали и начинали разжиматься, песок превращался в воду.

Ближе всех к Арвессе стояла невеста. Совсем молодая, с выбившейся из причёски прядью и разорванным кружевом на рукаве. Рядом с ней жених держал за руки соседей по цепи. На его запястье болтались белые туфли, связанные тонкими лентами, словно он и в эту минуту боялся потерять единственную вещь, с которой начался их праздник.

— Не подходите! — крикнула невеста. — Здесь нельзя наступать куда попало!

Арвесса заметила тонкую чёрную линию перед порогом. Она медленно ползла по песку. Следом за ней исчезали камешки, водоросли, отпечатки ног.

— Сколько времени вы здесь стоите?

— Не знаю. — У девушки дрожали губы. — Сначала у нас была свадьба. Потом от берега оторвалось море. Священник велел не отпускать руки. А сам...

Она посмотрела на пустое место в конце цепи.

— Где он? — спросила Арвесса.

— Я держала его, — шёпотом ответила пожилая гостья. — А потом его рука стала... дальше. Я больше не смогла дотянуться.

За плечами старушки висел обрывок чёрного рукава. Ни тела, ни крови. Просто ткань, всё ещё сжатая в её кулаке.

Арвесса на мгновение забыла о холоде.

Значит, они уже потеряли одного человека.

И тринадцатый материк забрал его не так, как забирают утонувших.

— Смотрите на меня, — сказала она. — Я главный архитектор направлений. Я выведу вас. Только никто не отпускает соседей.

Жених поднял глаза.

— Вы знаете, что это?

Арвесса знала.

Три дня назад она собственноручно оставила последний сектор нового материка незамкнутым. По уставу каждый берег полагалось привязать к земле одного из двенадцати королевств — иначе новая суша не получала устойчивого положения. Арвесса отказалась. Она хотела создать место, которым не сможет владеть ни одна корона. Девять лет работы, бессонных ночей и споров с Советом — ради земли, куда можно будет прийти без разрешения правителя.

Она не учла одного.

Незавершённая земля не могла определить, где ей заканчиваться.

И теперь искала берег сама.

— Да, — ответила Арвесса. — Знаю.

— Тогда вы сможете вернуть деревню? — Невеста смотрела на далёкие огни. — Наш дом за дюнами. На кухне остался горячий пирог. Мы даже его не разрезали.

Среди всех вопросов, которые могла задать обречённая женщина, этот оказался самым страшным.

Арвесса видела схемы гибнущих кварталов. Слышала доклады о потере устойчивости. Но никогда не представляла

катастрофу в виде пирога, который кто-то оставил на столе в ожидании обычного вечера.

— Сначала вы, — сказала она. — Потом дом.

Она сняла с пояса измерительную катушку. Тонкую бронзовую нить использовали для закрепления участков переменной тяжести. Если замкнуть контур вокруг дверного проёма, можно отделить чужой берег от зала хотя бы на несколько мгновений.

Арвесса закрепила один конец за медную петлю.

Нить тихо запела, узнав неподвижную опору.

— Двигайтесь ко мне. Медленно. Не размыкайте рук.

Первый шаг дался легко.

На втором море вздрогнуло.

— Стойте! — крикнула Арвесса.

Поздно.

Правая нога жениха ушла в песок до колена. Он дёрнулся, и на его лице появилось такое выражение, будто он не сразу понял, что случилось. Невеста обеими руками вцепилась в его запястье. Ленты соскользнули с его запястья. Белые туфли упали на пляж.

— Я не чувствую стопу, — сказал жених.

Он произнёс это почти спокойно.

Чёрная линия уже коснулась его сапога.

Арвесса натянула бронзовую нить. Порог задрожал. На миг нога мужчины сделалась прозрачной: сквозь неё можно было увидеть песок по ту сторону.

Ещё одно усилие — и пространство сомкнётся, отрезав всё, что останется за линией.

Она отпустила катушку.

— Почему вы остановились? — вскрикнула невеста.

— Потому что иначе я отрежу ему ногу.

На берегу сделалось тихо. Даже жених перестал пытаться выбраться.

— Может, лучше так, — сказал он после паузы.

— Нет, — ответила невеста.

— Если вытащат остальных...

— Я сказала нет.

Она опустилась на колени рядом с ним, прижавшись лбом к его лбу. Их руки по-прежнему оставались частью живой цепи.

— Ты обещал танцевать со мной, — прошептала девушка. — Помнишь? Когда все разойдутся. На кухне. Без музыкантов.

— Я помню.

— Тогда вставай. Мне всё равно, сколько у тебя будет ног. Только вставай.

Арвесса отвела взгляд.

В расчётах для будущего материка не было графы для таких обещаний.

Сзади прозвенел трамвай.

Один раз. Затем второй.

Она обернулась к высокому окну. Красный вагон № 37

остановился у служебной платформы. За стеклом виднелся водитель, перепуганно прижавший фуражку к груди. Двери открылись, и на мрамор ступил незнакомец в тёмном дорожном пальто.

Он увидел снег, людей на пляже и бронзовую нить.

— Уберите её с петли, — сказал он.

Арвесса выпрямилась.

— Кто вас впустил?

— Ваш вагоновожатый. Он сказал, что в Зале Направлений тонут люди.

— Так помогите мне их вытащить или не мешайте.

Мужчина подошёл ближе, но не переступил чёрную линию.

— Вы пытаетесь пришить движущийся берег к неподвижной двери. Если шов выдержит, море останется здесь. Если лопнет, проём разорвёт вместе с залом.

Арвесса сжала катушку. Она сама уже увидела опасность. Услышать её от чужого человека было невыносимо.

— У меня нет другой опоры.

Он кивнул в сторону трамвая.

— Есть. Тридцать седьмой маршрут.

Арвесса посмотрела на спиральный мост. Дорога охватывала Зал Направлений полным кольцом и нигде не касалась земли. Каждый оборот вагона соединял начало и конец пути в одну точку.

Неподвижная петля удержала бы берег на пороге. Замкну-

тый движущийся путь мог заставить его следовать за собой.

— Если материк признает кольцо береговой линией, — сказала она, — он может забрать внутрь неё весь центральный квартал.

— Может.

— Здесь живут восемь тысяч человек.

— Здесь умирают двенадцать.

Арвесса посмотрела на незнакомца. Он не отвёл глаз.

— Вы предлагаете мне рискнуть целым городом.

— Нет. Я говорю, что он уже под угрозой. А выбор пока ещё остаётся за вами.

С пляжа раздался резкий, почти нечеловеческий крик. Жених провалился по пояс.

Невеста не кричала. Она просто держала его и смотрела на Арвессу.

В этом взгляде не было ни просьбы, ни обвинения.

Только ожидание.

Арвесса ненавидела именно его.

Девять лет назад, когда она только начала чертить тринадцатый материк, ей казалось, что достаточно создать землю — и всё остальное люди сделают сами. Построят дома. Поставят столы. Поженятся. Будут спорить о пустяках и ждать друг друга по вечерам.

Теперь созданная ею земля удерживала молодого мужчину, которому так и не дали станцевать с женой.

Она подняла катушку.

— Если всё пойдёт не так, — сказала она незнакомцу, — отвечать придётся мне.

— Тогда я запомню, что вы сказали это до начала.

Он говорил сухо, но уже снимал пальто.

Под ним оказалась тёмная рубашка. На правой ладони мужчины белели шрамы — длинные прямые полосы, будто кожу когда-то разделили по линейке и сшили обратно.

— Вы инженер? — спросила Арвесса.

— Нет.

— Тогда откуда знаете, как работает контур?

— Я знаю, как он рвётся.

Он шагнул на песок.

Арвесса едва не схватила его за плечо.

— У вас нет направляющей метки!

— Значит, я буду идти по вашей.

Он протянул ладонь, и Арвесса, не успев обдумать, вложила в неё свободный конец нити. Металл дёрнулся у них между пальцами, словно живой.

— Не отпускайте, — сказал мужчина.

— Я не собиралась.

Впервые за всё время его губы тронула тень улыбки. Почти сразу она исчезла.

Он вступил в ледяную воду.

Море поднялось до колен, потом до пояса. На одну страшную секунду его плечо оказалось дальше от локтя, чем должно было быть: сама длина руки изменилась. Он судорожно

втянул воздух, но продолжил идти.

— Смотрите на меня, — сказал он жениху. — Не пытайтесь нащупать дно. Ваше тело помнит старую глубину, а её уже нет.

— Меня держит что-то снизу.

— Знаю.

— Вытащите его! — Невеста не отпускала мужа. — Пожалуйста!

Мужчина обхватил жениха за плечи. Потянул.

Тот не сдвинулся.

Вода над ними выгнулась аркой.

Арвесса увидела, как на дальнем краю пляжа исчезает свадебный стол. Ножки остались на песке, скатерть ещё развевалась над ними, а всё, что стояло на столе, уже плавало в вертикальной воде.

— Дайте второй конец! — крикнул незнакомец.

Арвесса сорвала запасную катушку и бросила её через проём. Он поймал бронзу левой рукой, обернул петлю вокруг жениха, но не стал тянуть сам.

— Держите его все, — приказал он гостям. — Не в ряд. Кольцом.

— Они потеряют опору, — возразила Арвесса.

— Они её уже теряют.

Старушка с обрывком чёрного рукава первой переступила на полшага в сторону. Затем остальные. Они перестроились вокруг застрявшего жениха, перехватывая друг у друга

руки. Их круг был неровным и дрожащим, но чёрная линия на песке вдруг замедлилась.

Арвесса поняла.

Материк не различал людей и границ. Для него замкнутые руки стали линией, которой он мог доверять.

Она закрепила бронзовую нить на ведущей скобе трамвайного кольца. По металлу пробежал свет. Далеко за окнами красный вагон сам собой качнулся вперёд, хотя водитель стоял в зале.

— На третьем звонке! — крикнула Арвесса.

Вагоновожатый бросился к сигнальному рычагу на стене платформы.

— Что будет на третьем? — спросил жених.

Она хотела сказать: «Вы окажетесь в безопасности».

Но не имела права.

— Мы потянем, — ответила она.

Первый звонок ударил по залу.

Кольцо под полом задрожало.

Второй. Незнакомец в воде схватил жениха под руки, прижимая его к себе так крепко, что бронзовая нить врезалась обоим в кожу.

На третьем Арвесса замкнула катушку.

Мрамор осветился изнутри. По спиральному мосту метнулась тонкая огненная линия. Вода на пляже дёрнулась в сторону трамвайных рельсов, будто её ухватили огромным крюком.

— Тяните!

Двенадцать человек рванулись одновременно.

Жених выскользнул из песка и рухнул на руки незнакомцу. Арвесса увидела его сапог — целый, с ногой внутри, — и в тот же миг чёрная полоса взметнулась вверх.

Она пересекла бронзовую нить.

Металл лопнул у мужчины в ладони. Тёмная струя крови окрасила воду.

Он не выпустил жениха.

— Арвесса! — крикнул он.

Она вздрогнула: откуда он знает её имя?

— Закрывайте! Сейчас!

— Вы ещё там!

— Я вижу!

Они смотрели друг на друга через проём. Слишком далеко для прикосновения. Слишком близко, чтобы сделать вид, будто выбор касается только расчётов.

Арвесса отпустила удерживающую скобу, перенесла нагрузку на запасной контур и шагнула к двери. В обычном механизме это разрушило бы всю конструкцию. Но теперь двенадцать живых рук держали круг, и на несколько мгновений ей было на что опереться.

— Бегите! — крикнула она.

Гости буквально вывалились на мрамор. Один упал, второй потащил его за воротник, старушка с оторванным рукавом потеряла туфлю и даже не заметила. Невеста оказалась

последней.

Она остановилась у порога.

На мокром песке лежали её белые свадебные туфли.

— Не смейте, — сказала Арвесса.

Девушка смотрела не на туфли.

За ними, в вертикальном море, плыл перевёрнутый свадебный стол. На скатерти ещё стояли два нетронутых куска пирога.

— Это был наш день, — тихо сказала она.

Арвесса схватила её за запястье.

— Он ещё не закончился.

Она втянула невесту в зал. Незнакомец выскочил следом, прижимая раненую руку к груди.

Арвесса толкнула дверь.

Та не закрылась.

За створкой море выгнулось дугой. Вода уже не хотела оставаться по ту сторону.

Арвесса прижала ладонь к бронзовому замку и впервые за девять лет работы произнесла формулу закрепления вслух, не проверяя её по чертежу. Пол под ногами задрожал. Внезапно где-то далеко, за пределами зала, отозвался одинокий трамвайный звонок.

Дверь захлопнулась.

Тишина длилась ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы убедиться: он ещё дышит.

А потом невеста расхохоталась.

Не весело. Почти беззвучно. Она сидела на полу, обнимая мужа, и смеялась, пока слёзы текли по лицу. Жених пытался успокоить её, но у самого дрожали губы.

— Я обещал донести тебя до дома, — сказал он.

— А я говорила, что справлюсь сама.

— Ты до сих пор босиком.

Она уткнулась ему в шею.

— Зато ты стоишь.

Пожилая гостья всё ещё держала чёрный рукав. Арвесса подошла к ней, собираясь что-то сказать, и поняла, что не знает ничего достаточно правдивого и милосердного.

Старушка сама спросила:

— Его можно вернуть?

Арвесса увидела перед собой не свидетеля катастрофы, а женщину, у которой в ладони осталось всё, что было от человека.

— Я не знаю, — ответила она.

Старушка кивнула, словно это был единственный ответ, которого она не боялась услышать.

Арвесса отвернулась. Руки у неё горели. На ладонях лопнула кожа, а по пальцам ещё пробегала дрожь от бронзовой нити.

— Контур не трогайте, — сказал незнакомец.

Он стоял у дверного проёма. На мраморе рядом с его ботинками блестела вода.

Сначала Арвесса решила, что это остатки снега. Затем

увидела мокрый песок между плитами.

— Небольшое смещение, — сказала она. — Я сниму его после проверки.

— Посмотрите в окно.

Она подошла к высокому стеклу.

И остановилась.

Под мостом, на котором ещё недавно кружил тридцать седьмой трамвай, не было облаков.

Там билось море.

Волны разбивались о каменные опоры в нескольких километрах над старой землёй. Чёрная вода простиралась к неведомому берегу, за которым поднимались горы — тонкие, свежие, будто нарисованные на ещё не просохшем полотне.

Тринадцатый материк.

Арвесса узнала очертания хребта: она выводила каждую из этих линий на чертеже. Но в её чертеже не было города на берегу. Тем более — города, который триста семнадцать лет носил над собой ураган.

— Мы привязали берег к кольцу, — сказала она.

— Да.

— И кольцо признало нашим берегом всё, что находится внутри.

Мужчина ничего не ответил.

Арвесса повернулась к нему.

— Вы знали.

— Я сказал, что это возможно.

— Вы не сказали, что море окажется под восемью тысячами домов.

— Если бы сказал, вы не стали бы спасать тех людей?

Она не ответила.

Он опустил взгляд на её окровавленные ладони, потом снова на море.

— Я тоже не знаю, — произнёс он.

Это признание обезоружило её сильнее, чем любые оправдания.

Арвесса заметила, что ткань на его правой руке потемнела. Бронзовая нить рассекла ладонь от основания большого пальца почти до запястья.

— Сядьте, — приказала она.

— Не стоит тратить время.

— Если потеряете сознание на моём полу, времени уйдёт больше.

Мужчина посмотрел на неё и, к её удивлению, подчинился.

Она достала перевязочный свёрток. Её пальцы дрожали, но она справилась с узлом на бинте. Когда она промывала рану, он резко втянул воздух.

— Больно?

— Не настолько, чтобы вы перестали затягивать.

— Вам часто разрезают руки?

— Реже, чем раньше.

Арвесса посмотрела на старые прямые шрамы у него на

ладони. Они пересекались под ровными углами. Не следы драки. Следы линий.

— Вы знали, что я оставила берег незамкнутым, — сказала она. — Знали, где искать тридцать седьмой маршрут. И назвали меня по имени, хотя мы не знакомы.

— Ваше имя стоит на всех чертежах нового материка.

— А ваше?

Он выдержал её взгляд.

— Сегодня оно вам ничего не даст.

— Неправда. Я смогу сообщить его страже.

— А вы не сообщили до сих пор.

Арвесса завязала бинт чуть туже, чем требовалось.

Он поморщился. Она сразу ослабила узел.

На мгновение между ними возникло смущающее молчание. Не доверие — до него было далеко. Скорее понимание того, что они уже совершили вместе поступок, последствий которого не смогут избежать порознь.

— Я прибыл по распоряжению Совета завершения, — наконец сказал мужчина.

Арвесса отпустила его руку.

Приказы этого Совета подписывали только тогда, когда новая земля угрожала прежним. На них не распространялось право обжалования. До сих пор Совет был для неё печатью на запечатанных письмах и строчкой в учебнике, которую приятно было считать пережитком жестоких времён.

— Каков ваш приказ?

Он не стал притворяться, будто не понял.

— Уничтожить тринадцатый материк до того, как его закон закрепится.

За спиной Арвессы кто-то из спасённых тихо заплакал. Невеста гладила мужа по мокрым волосам. Старушка прижимала к груди чужой рукав.

— Девять лет, — сказала Арвесса. — Я строила эту землю девять лет.

— Я знаю.

— Вы собирались перечеркнуть девять лет за один день?

— Я собирался не дать вашей ошибке стать правилом для всех остальных материков.

Слова ударили больнее, чем она ожидала.

Арвесса поднялась.

— Уходите из моего зала.

Мужчина тоже встал, хотя раненая рука заметно мешала ему.

— Если я уйду, море под вашим мостом никуда не исчезнет.

— Останется. Я это вижу.

— Тогда вы понимаете и другое: уничтожение материка теперь может потянуть за собой город. Его больше нельзя отделить одним ударом.

Арвесса снова посмотрела в окно. Снаружи поднимался огромный, медленно растущий берег. Где-то далеко должны были находиться двенадцать королевств, которым она так не

хотела отдавать эту землю. А между ними возникло море, оказавшееся под окнами её дома.

— Значит, вам придётся нарушить приказ, — сказала она.

— Возможно.

— Из-за меня?

Он покачал головой.

— Из-за тех, кто живёт внутри кольца.

Она хотела возненавидеть его за эту честность. Вместо этого почему-то запомнила, как он подхватывал жениха в воде, хотя сам едва держался на ногах.

Незнакомец посмотрел на окно, потом на дверь архива.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы оставили берег открытым?

— Три дня.

— И за три дня он уже научился удерживать себя чужими руками.

Арвесса напряглась.

— Что вы хотите сказать?

Он приблизился к чёрной линии, ещё различимой между плитами.

— Спросить, почему он выбрал именно этих людей.

— Потому что они оказались на берегу.

— Так ли?

Невеста за её спиной тихо произнесла:

— Мы держались за руки, потому что нам сказали, что так нужно.

Арвесса обернулась.

— Кто сказал?

— Священник. Ещё до того, как море поднялось. Он произнёс: «Когда начнётся, не отпускайте друг друга». Мы решили, что это часть обряда.

Незнакомец выпрямился.

— А священника среди вас нет.

Пожилая гостья опустила взгляд на обрывок рукава.

— Он стоял последним, — прошептала она. — Я держала его. Потом он исчез.

Арвесса почувствовала, как холод, принесённый из-за архивной двери, возвращается, хотя снег давно растаял.

Они не просто случайно оказались на берегу.

Кто-то заранее знал, что произойдёт.

— Вы спрашивали его имя? — спросил незнакомец.

Невеста покачала головой.

— Он был из деревни. Все его знали. — Она растерянно огляделась. — Только я... я не могу вспомнить, как его зовут.

Жених тоже нахмурился. Остальные переглядывались.

Никто не смог назвать имя священника.

В Зале Направлений раздался стук.

Все замолчали.

Один удар. Второй. Третий.

Звук шёл не от окна и не из-за архивной двери. Он поднимался из глубины каменного пола.

Арвесса опустилась на колени.

На белом мраморе появилось мокрое пятно. В его середине проступили пять крошечных пальцев — словно ребёнок прижал ладонь к обратной стороне прозрачного стекла. Рядом возникла вторая.

Невеста тихо вскрикнула.

Арвесса знала, что находится под полом: единая несущая плита, вырезанная из старого материкового камня. Там не было подвала. Там не могло быть даже щели.

Она всё-таки потянулась к мокрому следу.

Незнакомец схватил её за запястье так резко, что она вздрогнула.

— Не надо.

— Там ребёнок.

— Я вижу следы.

— Он может задохнуться!

— Арвесса, не отвечайте, если он заговорит.

На этот раз он произнёс её имя почти шёпотом.

Его пальцы дрожали.

Это было хуже всего: человек, который только что по пояс стоял в невозможном море, теперь боялся двух маленьких ладоней под камнем.

Снизу донёсся голос.

Тонкий, вежливый, с той серьёзностью, с какой дети спрашивают о вещах, понятных взрослым:

— Здесь есть кто-нибудь, кто знает, где заканчивается наш берег?

Арвесса не шевельнулась.

Она вспомнила незамкнутую линию на своём чертеже. Невесту, державшую мужа. Священника без имени, заранее знавшего о воде.

— Почему нельзя ответить? — прошептала она.

Мужчина медленно разжал пальцы, но не отвёл руки от её запястья.

— Потому что на новом материке ещё никто не родился.

Под полом что-то тихо шевельнулось.

И маленькая ладонь повернулась так, словно тот, кто находился по другую сторону камня, тоже слушал их разговор.